

что все его товарищи и сам Алеша, что бы с ними в жизни ни произошло, будут всегда помнить друг о друге, о том, напоминающем мотивы пушкинских лицейских годовщин, союзе дружбы навеки, в который они соединились в эту минуту. «Ну, а теперь, кончим речь и пойдемте на его поминки... Ну пойдемте же? Вот мы теперь и идем рука в руку». «И вечно так всю жизнь рука в руку! Ура, Карамазову! — еще раз восторженно прокричал Коля, и еще раз все мальчики подхватили его восклицание».

На этой звонкой, восторженной ноте и заканчивается «даже и не роман, а лишь один момент из первой юности» героя дилогии Достоевского — жизнеописания Алексея Федоровича Карамазова.

* * *

Еще раз вникнув и вдумавшись в свете очень немногих и крайне скудных сообщений современников, из которых, конечно, наиболее значителен рассказ Суворина, в первый роман дилогии, полагаю, можно составить себе некоторое представление о всей художественной структуре задуманного Достоевским главного романа. «Работаю роман», — сообщает Достоевский, приступив к писанию «Братьев Карамазовых»²⁷. Эта необычная форма (вместо «работаю над романом» или «пишу роман»), вызывающая ассоциацию с конструкцией типа «строю здание» или «созидаю собор» (на полях своих рабочих рукописей Достоевский любил рисовать готические соборы), думается, употреблена тоже не случайно. Окончив роман, Достоевский опять пишет тому же адресату: «...работал его три года»²⁸.

Коренным недостатком своей писательской манеры, вредящим художественной форме его романов, сам Достоевский считал нестройность, хаотичность их композиции. И в этом отношении одним из величайших образцов для него был Пушкин. «Учиться у Пушкина», «писать по порядку... à la Пушкин» — такие напоминания и указания себе неоднократно делаются им в рабочих тетрадях, относящихся к периоду создания «Подростка»²⁹. Пушкин придавал особенное значение строго продуманному композиционному плану произведения, требующему «силы ума», гармонически располагающей все его части «в их отношении к целому», добавляя, что один — единственный в своем роде — план тройственной поэмы — «Божественной комедии» — Данте «есть уже плод высокого гения»³⁰. В соответствии с этим строжайше архитектурно-математическим дантовским планом сам Пушкин хотел было в 1830 г. построить «Евгения Онегина»³¹. Соответственно подобному же — «дантовскому» — принципу тройственного членения стремился и Достоевский построить «Братьев Карамазовых». Роман был задуман им в трех «частях»: в каждой из них было по три книги, причем он хотел, чтобы в каждой части имелось «почти по равному числу печатных листов». Необходимый автору жизненный материал по ходу работы заставил его несколько отступить от этого: вместо трех оказалось четыре части, но в остальном первоначальный план был почти полностью осуществлен и даже эпилог был разбит на три главы.

В результате проведенного анализа мы могли убедиться, что, приступая к первому роману, Достоевский уже исходил из продуманного им

²⁷ Письмо В. Ф. Пуцковичу от 29 августа 1878 г. — Достоевский Ф. М. «Письма», т. IV, стр. 36. Разрядка моя. — Д. Б.

²⁸ Письмо Н. А. Любимову от 8 ноября 1880 г. — Там же, стр. 212. Разрядка моя. — Д. Б.

²⁹ Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». — «Литературное наследство», т. 77, М., «Наука», 1965, стр. 96, 174, 180, 198.

³⁰ Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 16 томах, изд. Академии наук СССР, т. XI, 1949, стр. 41. и 42.

³¹ См. в моей статье «Il gran padre (Пушкин и Данте)». — Сб. «Дантовские чтения». М., «Наука», 1973, стр. 49—50.